

3. Рассел Б. Что такое философия? [Электронный источник] / Бертран Рассел. – Режим доступа: <http://sophia.nau.edu.ua/2010-07-29-11-48-45/2010-07-29-11-55-07/111-2010-07-31-14-20-44>
4. Белинский В. Г. Статьи о русской литературе (сборник) [Электронный ресурс] // Белинский В. Г., Чернышевский Н. Г., Писарев Д. И., Добролюбов Н. А. – М. : ЭКСМО-Пресс; 2000. – 745 стр. – Режим доступа: <https://bookmate.com/reader/NoWVHCsV>
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 70 [Электронный ресурс]. – СПб : Семановская Типолитография (И.А. Ефрона), 1902 – 502 с. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3182/10201/>
6. Дюрант У. Философский метод [Электронный источник] / Дюрант У. – Режим доступа: <http://freeref.ru/wievjob.php?id=62082>

А.В. Сонов,

доктор исторических наук,

Майкопский государственный технологический университет

г. Майкоп, Российская Федерация

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПЕРВОГО ГУМАНИСТА ИТАЛИИ. ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

Эпоху Возрождения нередко начинают с Данте, в котором гуманисты видели своего предшественника, однако большинство ученых считают зачинателем Ренессанса Петрарку. «Если Данте являлся предвестником Возрождения, то Петрарку при всей противоречивости его взглядов можно с полным правом считать первым человеком Возрождения» [1, с. 88].

В его творчестве намечился решительный поворот от схоластической традиции и аскетических идеалов средневековья к новой культуре, обращенной к проблемам земного бытия человека, утверждающей высокую ценность его творческих сил и способностей.

Первый гуманист Италии Франческо Петрарка (Francesco Petrarca, 1304–1374) родился во Флоренции, точнее в небольшом тосканском городке Ареццо, где нашел убежище его отец, белый гвельф после конфликта с черными гвельфами. По настоянию отца Петрарка изучал право в Монпелье, а позднее в Болонье, отнюдь не собираясь стать юристом. Он увлекался чтением латинских классиков, особенно Цицероном, которого называл своим отцом. В Авиньоне, у пап, Петрарка, приняв духовный сан, но никогда не исполняя обязанностей, связанных с ним, всего себя посвящал литературе, сонетам в честь Мадонны Лауры.

Петрарка еще при жизни пользовался невероятной славой. Он оказал огромное влияние на современников и на последующие поколения гуманистов. Боккаччо после его смерти писал, что в течение 40 лет Петрарка безраздельно властвовал над ним. По-видимому, секрет этого необычайного влияния заключается в том, что Петрарка наиболее полно воплотил в себе и своем творчестве духовные искания, помыслы и стремления людей, принадлежащих эпохе зарождения гуманизма.

Надо сказать, что его творчество настолько обширно и противоречиво, что анализ его представляет нелегкую задачу. Но без выяснения социально-политических взглядов крупнейшего представителя раннего гуманизма, провозвестника Возрождения в данной работе, как нам кажется, обойтись невозможно. Петрарка – поэт, ученый и политик. Он никогда не был чистым лириком, даже в «Книге песен». Он занимался политикой и занимался ею на таком высоком уровне, на каком, пожалуй, не занимался политикой ни один из поэтов Италии. «Искусство для искусства» возникает позже, на развалинах гуманистической культуры, когда писатель или художник-гуманист выпадает из исторического процесса развития национального самосознания и, порывая тем самым органические связи с народом, превращается в «лишнего человека».

Петрарка, ренессансный поэт, ярчайший индивидуалист, не довольствовался обретением абсолютной свободы в сфере гуманистической культуры. Он пробовал активно вмешиваться в современную ему общественную деятельность, ставя своей целью её социально-государственные и национальные преобразования в свете своих гуманистических идеалов, ориентированных, в свою очередь, на гражданские идеалы классической древности, воспринимаемых им как идеалы древне-итальянские, т.е. «почвенные» национальные. Родоначальник гуманизма был искренний патриот. Он остро ощущал гибельность для Италии постоянных междоусобных войн. Трагическая судьба страны побудила его написать, безусловно, лучшую свою канцону «Италия моя».

Италия моя, твоих страданий
Слова не пресекут:
Отчаянье, увы, плохой целитель,
Но я надеюсь, не молчанья ждут
На Тибре, и в Тоскане,
И здесь на По, где днесь моя обитель [4, с. 278].

Обращаясь к мелким государям Италии, поэт обвиняет их в том, что они воюют между собой, с помощью иноземных наемников, грабят и разоряют страну:

Кого благодарить, когда не вас,
За нынешние беды,
За то, что неумной жаждой злата
Отечество разъято
И пришлый меч гуляет по стране? [4, с. 279–280].

Убеждая упомянутых синьоров позаботиться об устранении этих бедствий, Петрарка настоятельно советует им подумать о родине. «В душе итальянцев не умерла еще античная доблесть». Канцона заканчивается горячим призывом к тем, «что о добре пекутся», защитить Италию от распри: «Мира, мира, мира!» [4, с. 281]. Главнейшие бедствия, которые угнетают Италию Петрарка характеризует так: «власть погребена, свобода подавлена и никогда не кончатся войны» [4, с. 244].

Такое состояние Италии внушает Петрарке глубокое огорчение. По поводу землетрясения в Риме он пишет весьма примечательные, на наш взгляд, строки: «Меня страшно тревожит общее положение политических дел и движение не столько земли, сколько людей внушают мне печальные предсказания не для Рима только, но и для всей Италии» [2, с. 84]. Такая горячая любовь к родной стране, такое болезненное сознание ее бедствий должны были вызывать у патриота попытки к улучшению положения Отечества, к устранению терзавших его зол. Петрарка чувствовал эту обязанность. «Благосостояние всей моей Родины и нашей общей матери, – пишет он одному другу, – находится в опасности, и тот не сын, кого не трогают обиды, причиняемые любящей матери» [2, с. 83].

Горячий патриотизм Петрарки, по нашему мнению, является своеобразным и показательным. Дело в том, что в это время люди, посвятившие свою жизнь политической деятельности, были, как правило, патриотами своего города, который они и считали родиной. Петрарка же не питал особой привязанности к какому-либо определенному городу; отчасти и по этой причине он оказался в состоянии почувствовать необходимость объединения всей страны. К тому же понятие единой Италии он воспринял у античных писателей, оно было в известной степени абстрактным.

Патриотизм побуждал Петрарку к политической деятельности и давал для него общую программу, но он не представлял себе ясно, какой должна стать форма правления объединенной страны и, тем более, каким путем можно создать единое государство. Но его типично гуманистический, ренессансный взгляд на значение личности в обществе указывал средства для политической деятельности и внушал веру в возможность благоприятных результатов, Петрарка не видел в истории ничего, кроме личности. В трактате «О средствах против счастья и несчастья», он доказывает, между прочим, что тело – тюрьма, а заключенный в нем дух – образ и подобие Божие; перл создания и царь природы. Могущественный разум человека должен и может господствовать над самим собой и над другими.

Прилагая эту точку зрения к социально-политическим отношениям, Петрарка приходил к вере во всемогущество личности в этой сфере и к глубокому убеждению в целительность и влияние человеческого слова. Задумав изобразить судьбы античного Рима (древнюю историю своей родины, как он считал), Петрарка написал ряд биографий знаменитых мужей от Ромула до Цезаря. Характерно, что, несмотря на страстную любовь к литературе и философии, он не внес в эту книгу ни одного писателя и ученого. Там фигурируют исключительно полководцы и государственные деятели, что стоит в тесной связи с его общим взглядом на политическую жизнь.

Патриотизм пропитывает целиком и этот труд Петрарки. Вот характерная цитата: «Из Цицерона известно изречение Сципиона, что всем тем, которые сохранили или усилили родину или помогли ей, обеспечено определенное место на небе, где они будут наслаждаться вечной жизнью» [2, с. 36]. Петрарка никогда не принимал непосредственного участия в государственных учреждениях, органах, поэтому он искал и нашел иной путь служения родине. Считая, что если люди создают общественные порядки и сами же их расстраивают [2, с. 37], Петрарка решил воздействовать на людей своим авторитетным словом и сделался, наверное, первым публицистом, которого знает история. «Часто просто слово бывало благотворно для благоденствия государств...» [2, с. 37].

Прежние и современные исследователи (Карллуччи, Фойгт, Мезье, Гейгер, Корелин, Лазарев и др.) резко, порой полярно расходятся в оценке политических стремлений Петрарки. Нам кажется, причина этого

разногласия обуславливается разнообразием политических целей Петрарки в разное время жизни, да и характером его деятельности, как публициста, откликающегося на злобу дня, впадая иногда в противоречия.

Политический идеал Петрарки составляли три главные последовательные по времени стремления: всемирное господство Рима, объединение Италии и установление в ней мира и порядка. Ранние республиканские симпатии поэта, казалось, нашли воплощение в так называемой «римской антифеодалной революции», вспыхнувшей в мае 1347 г. во главе с Кола ди Риенцо.

Петрарка восторженно приветствовал первые успехи восстания. Он пишет Кола ди Риенцо восторженное письмо, которое начинается восхвалением вновь приобретенной свободы и горячей убежденностью защищать ее до последней капли крови. Главная опасность свободе грозит со стороны знати, на которую Петрарка обрушивается с необычайной страстностью. Это жалкие пришельцы, насилем поработившие граждан. Их господство не имеет никакого основания: по происхождению они – варвары, по доблести – нет беднее их никого на свете. Они богаты, но богатство награблено этими разбойниками. «Благоденствуй, Камилл, наш Брут, наш Ромул!» – восклицает поэт, – «Благоденствуй, виновник римской свободы, римского мира, римской тишины» [3, с. 62].

И вновь страстные обличения знати, по отношению к которой «... всякая жестокость гуманна и всякое сострадание бесчеловечно» [3, с. 62]. «Славным делом» называет Петрарка этот антифеодалный переворот. Но вскоре восторг патриотически настроенного поэта сменился тяжелым разочарованием. Энтузиаст Кола оказался плохим политиком, великие замыслы на деле частенько превращались во времяпрепровождения тирана. И, кроме того, невероятно смелый мечтатель обнаружил такую же невероятную трусость. Восстание потерпело поражение, Риенцо бежал из Рима. «Если Рим растерзан, то каково будет положение Италии? – Если Италия обезображена, то какова будет моя жизнь?» [2, с. 136] – горько вопрошает Петрарка.

Утратив надежду, возлагавшуюся на Кола ди Риенцо, Петрарка тем самым потерял и вспыхнувшую у него на короткое время веру в возможность воссоздания в Италии республики, основанной на демократических началах. «Хоть мне и ведомо, насколько сильнее было Римское государство под властью многих, нежели одного, тем не менее, я знаю, что многие великие люди полагали счастливейшим состоянием государства иметь во главе одного справедливого государя... При нашем нынешнем положении дел, при столь непримиримом раздоре душ у нас не остается никакого сомнения, что монархия наилучшим образом пригодна для объединения и восстановления сил итальянцев, рассеянных неистовством длительных гражданских войн» [3, с. 124].

Отвергая родовую аристократию, Петрарка, как и позднейшие гуманисты, был демократом только в социальном отношении. Отчаянный враг сословных привилегий, он преклонялся перед аристократией ума и таланта, глубоко презирая тупую и невежественную «толпу», «чернь». «Толпа с полным правом имеет обыкновение называть безумными мудрецов и мудрыми безумцев... Все, что думает толпа, вздорно; что говорит – ложно; что одобряет – дурно, что предписывает – постыдно, что делает – глупо» [3, с. 126], – пишет он.

Но можно ли отождествлять петрарковскую «чернь», «толпу», plebe с городскими низами? Нам кажется, – далеко не всегда. Вряд ли подобные его высказывания имели прямой социально-политический смысл. Вообще духовный герметизм от античных времен и до романтиков был связан с защитой позиций интеллектуалов и творцов против невежества тех, кто притязает на понимание, судит и рядит, предъявляя к ним свои требования. А это все же характерней для аристократических верхов, чем для низов.

Как бы там ни было, Петрарка, утратив веру в возможность установления демократической республики, стал все чаще склоняться к монархической форме правления, что, в общем-то, вовсе и не противоречило его принципам, как может показаться на первый взгляд. Ведь по его ренессансному символу веры, власть должна принадлежать лучшему, все равно, какими бы средствами она ни достигалась. Петрарка признает всякую власть, которая может возвысить Рим, на какой бы основе она ни покоилась, из поражения восстания он выносит не надломленной веру в возможность реставрировать величие Рима и глубокое убеждение, что эту задачу может выполнить отдельная личность. Причину неудачи Кола ди Риенцо он видел лишь в его индивидуальных недостатках. «Он виновен в пренебрежении, а не в защите свободы, в том, что он покинул Капитолий, а не в том, что занял его» – пишет он в трактате «О средствах...» [2, с. 124].

Вследствие всего вышесказанного, а также в силу личных свойств (интерес к науке, итальянское воспитание – А.С.) внимание Петрарки привлек император Карл IV. При печальной действительности Петрарка не мог найти лучших средств для достижения высокого политического идеала, и он избирает преемником Кола Карла IV. Поэт торжественно встречает в 1354 г. вступившего в Северную Италию императора, но тот вернулся назад несколько не изменив положение Рима.

Через 7 лет Карл IV совершил свой второй еще более позорный поход в Рим, и Петрарка утратил веру в целебность этого средства. «Было время, когда императоры могли надеяться на империю, и народы – на императора, теперь же империя – тягость для ее главы, а ее глава – гибель для народа» [2, с. 126]. После 1368 г. Петрарка связывает наступление мира в Италии с ожидаемым возвращением папы в Рим, настойчиво при-

звивая в письмах Урбана V вернуться, дабы «королева городов» не оставалась вечно вдовой. Призывая папу в Рим, Петрарка желал добиться хоть чего-нибудь для родины.

Если Рим и не делается столицей мира, то, по крайней мере, освободится от царившей в нем анархии. «Какой консул управляет теперь Римом? Какие советники заседают в нем?» [2, с. 128]. Когда же папа вознамерился вновь перебраться в Авиньон, Петрарка превратился в настоящего гвельфа, заставляя Рим произнести между прочим Урбану: «...у тебя ключи от царствия небесного и тебе принадлежат обе власти, ибо никакая власть не терпит сотоварища, а двухголовое животное чудовищно» [2, с. 169].

Петрарка обладал грандиозными планами и чрезвычайно широким интересом в политической деятельности, его внимание привлекала и Столетняя война, где его симпатии всегда принадлежали Франции, и завоевание Иерусалима, и война Генуи с Арагоном, но особенно живое участие он принимает всегда в итальянских событиях. Его неизменной точкой зрения всегда служат интересы мира и порядка в Италии.

Самое непосредственное участие принимал Петрарка в кровопролитной войне между Венецией и Генуей, которая закончилась подчинением последнего города миланскому тирану. Еще прежде начала военных действий Петрарка попытался удержать от них венецианского дожа Андреа Дандоло. «Мы погибнем, раненные собственными руками», – пишет он, – «мы потеряем власть на море» [2, с. 281]. Но особенно его возмущает слух, что Венеция обратилась за помощью к арагонскому королю. «Итак, итальянцами для уничтожения итальянской свободы призываются варварские короли! Откуда же может ожидать помощи несчастная Италия, если сыновья ее, мало того, что сами терзают мать, призывают еще чужеземцев для открытого матереубийства» [2, с. 283].

В феврале 1352 г. венецианцы, несмотря на союз с Кантакузеном и Петром IV Арагонским потерпели жестокое поражение. Петрарка обращается к дожу и совету Генуэзской республики, призывая прекратить кровопролитие. Генуэзцы его не послушали и потерпели решительное поражение, вызвавшее новое утешительное послание. Но любовь к родине и глубокий интерес к общественным делам заставляли Петрарку принимать более близкое участие в политике, чем занятия публицистикой.

Отвергнув выгодную службу при курии и кафедру во Флоренции, изгнавшей его отца, отказавшись от своего любимого уединения, Петрарка сделался усердным слугой миланских тиранов. Все это делалось ради спасительной веры в возможность объединения Италии под властью одного монарха. Джованни Висконти – умеренно жестокий и безгранично коварный, решительный и безнравственный пользуется всеми средствами для достижения своей цели. И Петрарка всячески ему помогает, исполняя дипломатические поручения. Но в первый же год его службы у Висконти умирает Джованни. Его сыновья Барнабо и Галеаццо вскоре понесли значительный ущерб. Мечты Петрарки об итальянском национальном короле исчезали все более и более. Летом 1361 г. в Милане появилась чума, и поэт навсегда оставил город.

Неудача Висконти нанесла, пожалуй, самый сильный удар политическим надеждам Петрарки. Им овладело отчаяние и глубокое разочарование. «Я сыт по горло итальянскими делами» [2, с. 287]. Политическая деятельность Петрарки закончилась неудачей, тем не менее, она, на наш взгляд, имеет чрезвычайно важное историческое значение. Петрарка был первым представителем практической политики, ему принадлежит первая попытка создать искусство управления путем рационального использования наличных сил данного времени, которое довершил Никколо Макиавелли. С этой точки зрения, Петрарка – предшественник Макиавелли. Он старался быть практичным, держаться действительности, отказывался от беспочвенных мечтаний, чтоб добиться «необходимого».

Он любил свободу и служил тирании, чтоб избавиться от анархии; он ценил людей по их нравственным качествам и отказывался от этической оценки государей, т.к. думал достигнуть таким путем большего общественного блага. Петрарка страстно любил родину, видел ее страшные бедствия, понимал, что старые силы отжили свой век, но не мог найти новых. Апостол индивидуализма слишком верил в могущество отдельной личности и не замечал иных общественных сил. За год до смерти, в Венеции, Петрарка пишет трактат «О наилучшем управлении государством» скорее морализаторский, чем политический, в котором, однако, прослеживается его социальные и политические взгляды. Высоко ценя свободу в индивидуальной жизни, Петрарка считает естественным и стремление к ней в государстве. «Стремление к свободе прирождено душе смертных» [3, с. 269].

Рассуждая теоретически, Петрарка находит монархию трудно совместимой со свободой: «Нет более тяжкого общественного бремени, чем монархия... Что иное монархия, как не древняя тирания? От времени не делается хорошим то, что дурно по природе» [2, с. 78]. Петрарка хорошо понимал, что современные государи Италии совсем не соответствуют его идеалу о хорошем монархе – «общественном рабе». «Наши князья и герцоги – надменнейшие из людей» [2, с. 78], – пишет он.

И все же ради того, что Петрарка считал высшим благом, ради политического объединения страны, он жертвует своим демократизмом и пишет: «Что касается современного положения наших дел, то, при столь непримиримом разногласии умов, не остается никакого сомнения, что для собрания и восстановления итальянских сил, которые рассеяло продолжительное неистовство гражданских войн, лучше всего подходит монархия.

Зная это, я считаю царскую руку необходимой против наших болезней [2, с. 71]». Подводя итог, можно сказать, что в произведениях Петрарки содержались, может быть, в неразвернутой форме, все те идеи, которые следующие поколения гуманистов развили и превратили в стройную систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамсон М. От Данте к Альберти / М. Л. Абрамсон. – М., 1979.
2. Корелин М. Очерки итальянского Возрождения / М. С. Корелин. – М., 1896.
3. Петрарка Ф. Избранное / Франческо Петрарка. – М., 1975.
4. Петрарка Ф. Лирика / Франческо Петрарка [вступ. статья, сост. и примеч. Н. Томашевского]. – М., 1980.

О.О. Суська,

*кандидат філософських наук, доцент,
Національний університет «Києво-Могилянська академія»,
докторант-пошукач Інституту соціології НАН України,
м. Київ, Україна*

КУЛЬТУРОЛОГІЧНА ТЕОРІЯ МЕДІАОСВІТИ ТА ЇЇ ЗНАЧЕННЯ ДЛЯ ПРОТИДІЇ МАНІПУЛЯТИВНИМ ТЕХНОЛОГІЯМ МЕДІАВПЛИВУ

Культурологічна теорія медіаосвіти, що почала складатися в кінці 90-х, спрямована на збагачення знань та розширення світогляду учнів і студентів. Це вчення засноване на розумінні того, що медіа пропонують різну інтерпретацію подій та явищ дійсності (іноді – міфів, спотворюючих реальність), а сама аудиторія вкладає різноманітні смисли у сприймання та аналіз медіатекстів.

Гіперреальність медіа комунікації (Ж. Бодріяр), умовність та синтетична знаковість її смислів (У. Еко), стає сьогодні повсякденним інструментом впливу на мільйонні аудиторії. «Так інформація розчиняє смисл і розчиняє соціальне в чомусь схожому на туманність, призначену зовсім не для зростання нового, а навпаки, для тотальної ентропії» [1, с. 120]. Модернізація, досягнув свого апогею пішла на «другий виток»; на думку доктора культурології В. А. Нікітіна, «форми представлення ідеї множинності змінилися і не фіксуються в традиційних засобах» [5, с. 18]. Під традиційними засобами автор розуміє представлення цієї множинності через більшість догматів, канонів та рецептів, як це було характерним за часів середньовіччя, або множинність картин світу, наукових та навчальних предметів, що є характерним й до цього часу. Тож ймовірніше за все, ми постанемо перед необхідністю перегляду певного кола теорій та відповідної практики життя в публічному просторі, щоб запобігти розвитку і поширенню «одномірності», поміченої ще Г. Маркузе [2], що дозволить, одночасно, соціально підключити індивіда до участі в суспільних процесах – не через приватизацію, та почуття власності, а через публічне визнання його відмінної ідентичності, як щодо приналежності до «роду», так й щодо приєднання до певного типу культури. Як підкреслював К. Леві-Строс: «не може бути світової цивілізації в абсолютному сенсі, що його часто надають цьому термінові, оскільки цивілізація передбачає співіснування культур, які відрізняються одна від одної максимальною різноманітністю, і вона, навіть, полягає в такому співіснуванні. Світова цивілізація може бути тільки коаліцією в світовому масштабі культур, кожна з яких зберігає свою самобутність» [9, р. 77].

Останнім часом стає все більш популярною так звана «модель клапану уваги», що переходить від чисто психологічного вжитку до загально суспільствознавчого. Тут фіксується як найважливіший, потік сигналів, який проходить через клапан уваги, керований виконавчими функціями, що визначають стратегію розподілу ресурсів уваги людини [8]. Від цього витікає значення, яке надається ситуації, або ж інформації про ситуацію. Ця модель широко використовується в новинних матеріалах в Інтернеті та верстці новинних випусків на радіо і в телебаченні [4].

Спрощена схема «маніпуляцій свідомістю», якою звикли користуватися переважно провідні політологи і соціологи політичних відносин, не дозволяє глибоко і неспростовно проаналізувати специфіку саме *усвідомленої поведінки* людини та передбачити її психологічні реакції на ті або інші події, інформацію, тощо. Всі ці проблеми неодноразово потрапляли у фокус рефлексії інтелектуалів